

прорехи на этом стремлении к просвещению нации. Потребители СМИ-информации могут, как говорится, не отходя от телевизора, компьютера и пр., «легко убедиться», какое простое дело эта политическая социология. Если ей можно заниматься на уровне здравого смысла, то он, этот здравый смысл, может с такой же легкостью раскритиковать ее в пух и прах. Что он, как свидетельствует действительность, зачастую и делает.

Но дело-то в том, что в указанных случаях он имеет дело не с политической социологией как наукой, а всего-навсего с одним из ее методических приемов – опросами общественного мнения. Разница между ними примерно такая же, как между школьной органической и современной лекарственной химией. Происходит подмена понятий. И далеко не всегда безобидная. Плохо продуманные, лишенные теоретического стержня, а то и просто логики, опросы, осуществляемые иногда под стыдливым, но пафосным грифом «он-лайн голосования», иногда под грифом «журналистский опрос», иногда под скромным названием «получения общественного мнения», эти эрзац-методы воспринимаются неискушенным населением как «та самая настоящая социология».

Изошренные журналисты выдали сами себе, как им по наивности кажется, некую убедительную индульгенцию, снимающую с них грех непрофессионализма: «наш опрос не выборочный, и мы не претендуем на статистически достоверные результаты». Так что же они тогда делают на самом деле? Ответу дезориентируют общественное мнение!!! Я не боюсь столь

жесткой оценки. Зачем? А затем, чтобы, пользуясь авторитетом науки, повышать свой читательско-зрительский рейтинг и зарплату. Ради этого, на что не пойдешь!

Зато потом, когда к зрителю, читателю, слушателю, к политикам выходят со своими результатами ответственные социологи-профессионалы, они встречаются просто в штывы. Политики, не моргнув, глубокомысленно изрекают мысли о том, что в нашей стране, с ее калейдоскопичной и динамичной политической жизнью, обращать внимание на какие-то там результаты опросов общественного мнения – это моветон.

Обыватель, да и не только он, а даже многие образованные, но не сведущие в социологии люди, в ответ на их те или иные утверждения говорят примерно следующее: «Они (социологи) утверждают, что ..., А вот моя жена, муж, отец, мать, брат, сестра, знакомые, друзья, сослуживцы – думают иначе. Ведь они умные люди, знают, что говорят! Правы он (они), а не социологи!»

И невдомек им, что мир общения обычного человека значим прежде всего лишь для него самого, и мнение, сформировавшееся в этом ближайшем круге, не имеет ровно никакого статистического значения. Оно, как говорят – не репрезентативно. Эта аксиома, несмотря на ее очевидность, почему-то упорно дискриминируется здравым смыслом. И чем этот здравый смысл банальнее, тем упорнее он сопротивляется научному взгляду на политическую действительность. Так проще жить. Так и живем. Зачем в зеркало глядеть?

А. Д. Трахтенберг

ИНТЕРНЕТ И АНТИ-КАПИТАЛИЗМ: ТЕХНОЛОГИЯ ПРОТИВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО РАЗУМА

Трахтенберг
Анна Давидовна

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

В недавней работе «Сопротивление – это сдача», Славой Жижек, обсуждая кризис постмодернистской левой мысли, обратил внимание на ее симбиотические отношения с тем самым глобальным капитализмом и его политическим выражением – либеральным государством, которое она так резко критикует: левые «действуют как супер-эго, с комфортом бомбардируя государство все новыми и новыми требованиями; и чем сильнее государство старается удовлетворить эти требования, тем большая вина на него возлагается»¹. Именно поэтому главным объектом критики левых являются не откровенные диктатуры, но либеральные демократии, которые постоянно обвиняются в лицемерии. Эта позиция «супер-эго» основана на представлении о необходимости вытеснения глобального капитализма с его торжеством рынка и холодными и бездушными отношениями господства и подчинения «обществом равных»,

при болезненном осознании полной невозможности такого вытеснения в условиях, когда сам глобальный капитализм является порождением инструментального разума.

Парадокс состоит в том, что резкая критика инструментального разума сочетается в левых кругах с надеждами на создания сообщества равных путем использования новейших порождений такого разума. Характерно, что такого рода ожидания сопровождали внедрение всех новых средств коммуникации с середины XIX века, когда появился электрический телеграф, который Дж. Цитром не без оснований назвал «исторической синекдохой для всех последующих электронных медиа»². Уже в 1838 году, пытаясь убедить конгресс выделить средства на свою работу, С. Морзе сформулировал классическую метафору «электронного соседского сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая МакЛюэна, Тоффлера и Кастельса: «настанет пора, когда вся поверхность этой страны будет покрыта нервами, которые будут, со скоростью мысли распространять известия о том, что случилось по всей стране; все жители на деле будут превращены в соседей»³.

Данная риторика оказалась необычайно устойчивой, чем еще раз подчеркивается ее для базовый современной культуры характер. Она с неизбежностью сопровождала всякое новое изобретение в сфере электронных средств коммуникации. Естественно, по мере того, как эти средства усваивались

повседневностью и «приручались», обнаруживалось, что надежды с их помощью превратить основанное на неравенстве общество в «сообщество равных» очередной раз не оправдались, и миф был вынужден искать себе новый объект⁴.

Лео Маркс назвал этот миф «мифом о спасении через Электричество» (“Electric sublime”), и хотя его анализ был осуществлен на дискурсивном материале «американской мечты», описанное им своеобразное сочетание технологического инструментализма с пасторальной утопией, оказалось типичным не только для американской культуры, хотя в ней оно, разумеется, приобрело свою специфическую форму. В частности, сделанное в 1964 году замечание Маркса о том, что в Америке «машина превратилась в трансцендентный символ, физический объект, наделенный политическими и метафизическими идеальными свойствами»⁵, в полной мере относится не только к паровозу и электрическому телеграфу, но и к компьютеру с Интернетом.

Появление Интернета очередной раз воскресило надежды, что благодаря технологическому прорыву индивиды и сообщества получают власть, которую у них отняли «большие корпорации» и выражающее их интересы государство. Тезис о том, что Интернет в силу своей нелинейной, неиерархической структуры, со скользящим переходом от одной темы к другой, и принципиальной гетерогенностью автоматически становится носителем альтернативных дискурсивных практик и в силу этого позволяет пользователем успешно вести «позиционную войну» (в грамматическом смысле этого термина) с линейными, иерархическими доминантными дискурсами, уже успел превратиться в общее место. Интернет идеально иллюстрирует любые современные левые теории: в нем с равной легкостью можно обнаружить хабермасианское гражданское общество, «семантическую геррилью», излюбленную теоретиками культурных исследований, ризомные структуры, описанные Делезом, буквальное воплощение рассуждений Деррида о «децентрации» и т.д. и т.п. Как не без яда заметил Дж. Уинтроп-Янг, можно говорить о счастливом спасении старомодной теории с помощью современной технологии, так что «технология обосновывает теорию, а теория возвышает технологию»⁶.

Невольно возникает подозрение, что объект, так легко укладываемые в любые разновидности постмодернистского левого дискурса, на самом деле не соответствует ни одной из них. Тем более, что эмпирические исследования показывают, что в Сети все сильнее доминируют процессы «закрытия» и она все больше приобретает черты, характерные для средств массовой информации. В Интернете явно преобладают коммерческие структуры, озабоченные исключительно производством и поставкой пользующейся спросом информации. Пользователи, со своей стороны, концентрируются на небольшом количестве наиболее популярных порталов и сайтов, и игнорируют возможности для гражданского участия, предоставляемые Сетью. Уже высказываются опасения, что если эти тенденции возобладают, модель Интернета как публичной сферы, основанной на прямом участии граждан в рациональной дискуссии на основе открытого доступа и уважения принципов культурного многообразия «станет заповедником для кучки твердолобых теоретиков, с одной стороны, и для самых бедных и недопредставленных сообществ – с другой»⁷, и превратится в маргинальную, не представляющую ни коммерческого интереса для рынка, ни стратегической угрозы для государства.

В то время как теоретики гражданского общества и

публичной сферы пытаются найти способы формирования новых организационных структур, способных предотвратить коммерциализацию и идеологическое «закрытие» Интернета, и с неохотой признают, что «понятие «полного участия» является «демократическим воображаемым» или утопией»⁸, их коллеги по борьбе с капитализмом начали присваивать «политические и метафизические идеальные свойства» новым технологиям (в том числе био- и нано-). Так, Д. Харауэй логически перешла от «Манифеста киборгов» и социалистического феминизма к «Манифесту дружественных [биологических] видов», и от высказываний о том, что «в наше время, мифическое время, мы все – химеры, теоретически выведенные и сконструированные гибриды машины и организма, короче говоря, киборги»⁹, простые носители информации, к рассуждениям о том, как влияет на «онтологическую гигиену» расшифровка человеческого гена, генетически модифицированная еда и искусственное оплодотворение. Такая эволюция весьма типична для постгуманистических исследований и у Д. Харауэй имеются последователи.

Еще одним способом сохранения мифа о спасении через Электричество, является поиск в Сети, и шире – в пространстве информационно-коммуникационных технологий, новых форма «медиа-активизма», которые позволили бы взорвать коммерциализирующийся, т.е. все более подчиняющийся логике глобального капитализма, Интернет. Такой крупнейший теоретик как Ф. Киттлер, положивший начало целому направлению культурно-технологических исследований, рассуждает о принципиальной «нечестности» всех существующих интерфейсов, включая любые Интернет-сайты, закрывающие доступ к реальным способам функционирования сети. Соответственно, единственно честным способом использовать Интернет и добиться демократии в информационном обществе является всеобщий свободный доступ к программным кодам¹⁰. Соответственно, на место семантической геррильи в классическом понимании Стюарта Холла приходит «спекулятивный софтвер» М. Фуллера, который превращает в главного героя протестного движения хакера, способного на «игры с кодом», но при этом порвавшего с традиционной хакерской системой ценностей, ставящей форму выше содержания. В лучших постмодернистских традициях «спекулятивный хакер» М. Фуллера отказывается проводить различие между формой и содержанием, что и позволяет ему «найти в коде правду»¹¹.

Наряду с поисками новых метафизических (точнее, могущих быть «метафизированными») технологий и новых форм медиа-активности, левый дискурс сохраняет надежду заново изобрести «политику множеств», опираясь на информационные технологии. К сожалению, у нас нет возможности подробно рассмотреть основополагающую работу этого направления – «Империю» М. Хардта и А. Негри. Отметим только, что описывая новый, децентрализованный и детерриториализованный аппарат власти, авторы отмечают, что единая некогда анти-капиталистическая борьба, несмотря на современные средства коммуникации, распалась на «некоммуникабельные» ячейки, не связанные между собой горизонтально, «но вертикально атакующие сердце Империи», так что перед левым движением вновь встает задача «пересечения границ и разрушения сегментов, на которые заставили распастись коллективную рабочую силу»¹². Эта задача вполне разрешима с учетом того, что в «обществе знаний», благодаря господствующим в нем информационно-

компьютерным технологиям, базовое противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения постоянно усиливается, что делает возможным переход к «абсолютной демократии».

Таким образом, современный анти-капиталистический дискурс продолжает искать технологическое решение, которое поозволило бы покончить с технологическим инструментальным разумом, породившим гегемонию глобального капитализма. Возможно, прав Жижек, отметивший, что более продуктивным путем было бы не ожидание торжества «великого сообщества», а обращение к власти с конкретными, стратегически отобранными и четко определенными требованиями, которые она в состоянии выполнить¹³.

1. Žižek S. Resistance Is Surrender // London Review of Books, 15 November 2007. Размещено в Интернете, URL: http://www.lrb.co.uk/v29/n22/print/zize01_.html.

2. Czitrom D.J. Media & the American mind: from Morse to McLuhan. Chapel Hill, 1982. P.189.

3. Цит. по Czitrom D.J. Op. cit. P.12.

4. При этом он каждый раз определенным образом видоизменялся. Дж. Скоунс, проанализировав развитие этого мифа с момента

изобретения телеграфа, показал, что каждое новое средство коммуникации породило свою версию этого мифа. Телеграф, радио и телевидение имели собственных электронных признаков и несли свои угрозы, однако общая «мета-политика речи» об этих средствах коммуникации оказывается весьма схожей.

5. Marx L. The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America. 2nd ed. N.Y., 2000. P. 206.

6. Winthrop-Young G. Cultural Studies and German Media Theory // New Cultural Studies: Adventures in Theory. Athens, Georgia, 2006. P.96.

7. Frau-Megs D. Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 91.

8. Cammaerts B., Carpentier N. The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 23.

9. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. L., 1991, P. 150

10. Очевидно, что данный тезис не может не обрадовать компании, занимающиеся коммерческой установкой и обслуживанием Linux, что еще раз подчеркивает вездесущность «глобального капитализма».

11. См. Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L., 2003.

12. Hardt M., Negri A. Empire, L., 2000. P. 399.

13. Žižek S. Op. cit.

К. В. Киселев

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

**Киселев
Константин Викторович**

кандидат философских наук,
зам. директора Института
философии и права УРОРАН

Выборы-2007 в Государственную Думу легитимизировали и, тем самым, усугубили давно меняющуюся в направлении централизации власти ситуацию «авторитарности». В результате однозначно можно утверждать, что политика на уровне федерации не просто стагнирует, но исчезает напрочь уже и с формально-юридической точки зрения. Из этого следует два принципиальных вывода.

Первый. Победа, а она беспорна, «Единой России» есть победа не политическая, но бюрократическая. Тождество политики и административного управления сегодня полное. Достаточно сравнить «руководящие» и кандидатские списки «Единой России» с персональными номенклатурными «перечнями», чтобы сделать вывод о совпадениях и тождествах. Суть этих тождеств очевидна – усиление государственного (бюрократического) контроля за всем и всеми. В российских условиях такая победа бюрократии есть вполне понятный посыл - «назад в прошлое». К номенклатурному языку, к бюрократическому управлению, к советскому телевидению и т.д.

Второй. Выборы в Госдуму стали новым свидетельством того, что большинство политических институтов уже разрушены или все интенсивнее разрушаются. Уничтожены институты

элитных согласований, электоральные и иные институты публичной власти, федерализм и т.д., и т.п. В результате система оказалась переведена с институционального (автоматического) саморегулирования на ручное управление. Другими словами, система деградировала.

О деградации системы говорит и «несовпадение» структур и функций, что выражается в стремлении «соответствующими» структурами выполнять несвойственные им функции. Например, если правоохранительные органы начинают выполнять политический заказ, то это есть прямое свидетельство отсталости системы. Или, если секретарь парткома вмешивается в конкретный экономический процесс, то это есть прямое свидетельство неустойчивости, кризисности и неэффективности политической системы. Или еще более распространенный случай смешения структур и функций – профессиональный чиновник, простой клерк начинает решать политические вопросы. Наконец, менеджер, работающий на предприятии, находясь под административным давлением, агитирует за ту или иную партию.

Причем, создается впечатление, что бюрократия явно перестаралась. По свидетельству Г.Голосова, крупнейшего в России специалиста по сравнительной политологии, существует правило, согласно которому страна, в которой на выборах одна партия получила более 60 % голосов, исключается из всего круга исследований, связанных с демократией, ибо указанный процент есть достаточное доказательство отсутствия самой демократии.

В результате возник вопрос о возможности применения традиционных электоральных технологий и их эффективности. Особенно остро этот вопрос затронул партии, позиционирующие себя как «правые». Дело в том, что уличные технологии, активно